

УДК 343.976

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Яровая К.Р.¹

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия*

Аннотация: Цифровая трансформация общества и преступной деятельности объективно требует модернизации уголовно-процессуального доказывания. Отсутствие законодательной дефиниции цифровых доказательств в УПК РФ приводит к коллизии между устаревшей моделью доказывания, ориентированной на бумажные носители, и современными цифровыми реалиями, что обуславливает наличие пробелов в праве и проблемы в деятельности правоприменителей.

Ключевые слова: УПК РФ, правовые пробелы, цифровые доказательства, информационные технологии, электронная информация, уголовно-процессуальное доказывание, электронный документооборот, вещественные доказательства.

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL EVIDENCE AND
ELECTRONIC INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Yarovaya K.R.

*Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia*

¹ Научный руководитель: **Алейникова В.А.**, ассистент кафедры уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
V.A. Aleynikova, assistant Professor at the Department of Criminal Law and Procedure
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Annotation: The digital transformation of society and criminal activity objectively requires the modernization of criminal procedural evidence. The lack of a legal definition of digital evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation leads to a conflict between the outdated model of evidence, focused on paper, and modern digital realities, which leads to gaps in the law and problems in the activities of law enforcement officers.

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, digital evidence, electronic information, legal gaps, information technology, criminal procedural evidence, electronic document management, physical evidence.

Продолжающиеся теоретические споры относительно определения, природы, квалификации, а также процедур получения, сохранения и исследования электронных доказательств отражает отсутствие единого подхода к данным вопросам.

Несмотря на кажущуюся универсальность определения доказательств как "любых сведений" (ст. 74 УПК РФ), корень текущей дискуссии лежит не в самой природе электронной информации, а в её двойственном характере. С одной стороны, это идеальное содержание — собственно информация, данные, имеющие значение для дела. С другой — её неразрывная связь с материальным носителем (устройством, сервером), который обладает всеми признаками вещественного доказательства. Именно эта двойственность и порождает коллизию: следует ли подводить цифровые данные под существующие традиционные виды доказательств (вещественные доказательства, иные документы) или их уникальные свойства (виртуальность, копируемость, зависимость от среды воспроизведения) требуют создания принципиально новой, самостоятельной процессуальной формы?

При рассмотрении возможности относительно включения в систему доказательств по уголовному делу электронной информации, имеющей доказательственное значение, представляется обоснованным тезис о её

совместимости с традиционной системой уголовно-процессуальных доказательств.

Согласно сложившейся правоприменительная практике, цифровые доказательства формируются из документов, истребованных у различных субъектов IT-среды: операторов связи, провайдеров, финансовых учреждений и иных держателей информации.

Электронные данные обретают статус доказательств в два этапа: сначала их носитель изымается как вещественное доказательство, а затем информация на нём исследуется и приобщается к делу в форме заключения специалиста.

Таким образом, сложившаяся правоприменительная практика демонстрирует попытку "вписать" цифровую реальность в прокрустово ложе традиционных процессуальных форм. Это приводит к искусственным и неэффективным конструкциям, когда цифровые данные маскируются под вещественные доказательства через их носитель или преобразуются в заключение специалиста, теряя при этом свою первоначальную форму и контекст. Подобный подход, хотя и работает на тактическом уровне, стратегически порочен, так как игнорирует специфику цифровой-среды и создает избыточные процедурные барьеры. Именно поэтому вопрос стоит не о том, можно ли встроить электронные доказательства в текущую систему (практика доказывает, что можно, хотя и с трудом), а о том, насколько эффективно и адекватно это сделано.

Мы считаем нецелесообразным вносить изменения в уголовно-процессуальное законодательство с целью введения "электронных доказательств" в качестве самостоятельного вида доказательств. В качестве альтернативного подхода мы предлагаем расширенное толкование существующего определения доказательств.

Ст. 74 УПК РФ, определяя доказательства как «любые сведения», не ограничивает формы их представления, что позволяет включать электронные данные в систему доказывания. Эта возможность прямо подтверждается ст. 84 УПК, допускающей фиксацию сведений на электронных носителях.

Данный подход возник потому, что научное сообщество, столкнувшись с новизной электронной информации и неразвитостью инфраструктуры, изначально стало рассматривать её как независимый вид доказательств.

В научном сообществе существуют противоположные позиции относительно самостоятельного статуса электронных доказательств. В.Г. Голубцов, в частности, он отрицает их признание и утверждает, что цифровые технологии не содержат элементов, требующих корректировки основных институтов процессуального права.

Л. А. Головкин, отрицая потребность выделения электронных доказательств в отдельную категорию, указал на отсутствие в них качественной новизны, отметив, что традиционное процессуальное понятие доказательств обладает достаточной широтой, чтобы включать в себя любые электронные данные [1].

М. И. Воронин выступает за включение электронных доказательств в сферу доказывания и предлагает закрепить в законодательстве понятия "электронное доказательство", "электронный документ" и "электронный носитель информации", используя определение "электронного документа" из ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2].

Исходя из положений ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 11.1, ст. 2), мы считаем, что отличительной особенностью электронного документа является его способность передаваться по телекоммуникационным сетям и обрабатываемость в информационных системах. Данное законодательное положение распространяется на всю цифровую информацию. С. В. Зуев, поддерживая включение таких доказательств, подчеркивает их соответствие критериям допустимости, относимости, достоверности и надежности [3].

Анализ представленных полярных позиций в научном сообществе позволяет сделать вывод: хотя аргументы противников выделения электронных доказательств в отдельный вид (отсутствие качественной новизны, широта понятия "сведения") формально верны, они носят догматический характер и не

учитывают процессуальный аспект. Закон — это не только система понятий, но и инструкция к действию. Отсутствие четкой процессуальной формы для электронных доказательств не позволяет разработать адекватные, стандартизированные и технологически современные процедуры работы с ними. Следовательно, необходим подход, который, признавая онтологическую общность всех доказательств как "сведений", предусмотрит создание специальной процессуальной оболочки для цифровой информации, оптимизированной под её уникальные свойства.

Для преодоления правовой неопределённости мы разработали концепцию, нацеленную на технологический прорыв в модернизации уголовного судопроизводства.

Концепция предполагает замену архаичной бумажной системы фиксации доказательств на современную цифровую. Для этого предлагается:

1. Закрепить на законодательном уровне четкое определение «электронных доказательств» в УПК и сопутствующих актах.
2. Отделить электронную информацию от бумажного протокола и физического носителя, создав основу для полноценного электронного документооборота.

Решаемые проблемы:

- Преодоление архаичной формы фиксации доказательств.
- Возможность использовать научно обоснованные электронные методы сохранения информации.
- Получение доказательств из первоисточника сразу в электронной форме.

Новое понятие электронных доказательств направлено на переход от архаичных практик к научному подходу в их обработке. Важно показать все конкурентные преимущества современных цифровых технологий для доказывания. Авторы уверены, что данная новая форма сбора доказательств будет полностью соответствовать требованиям достоверности и допустимости.

В процессе разработки новых методов информационного обеспечения уголовного судопроизводства нами была подтверждена потребность в законодательном утверждении дефиниции «электронные доказательства». В связи с этим предлагается дополнить статью 5 УПК РФ следующим определением: «... электронное доказательство – это юридически значимая информация, зафиксированная электронными средствами или представленная в электронной форме, с соблюдением уголовно-процессуальных требований, предъявляемых к доказательствам, с целью установления истины по уголовному делу» [4].

Ч. 1 ст. 74 УПК РФ является крайне широким: это «любые сведения». Исходя из этой формулировки, можно сделать вывод, что закон не ограничивает форму их представления, что создаёт правовые предпосылки для использования электронных доказательств в уголовном процессе.

Однако ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень источников доказательств, включающий семь традиционных видов: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта и специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы.

Принципиально важно, что электронные данные в данном перечне отсутствуют. Это порождает системное противоречие между устаревшей, ориентированной на бумажные носители моделью доказывания и современными цифровыми реалиями. Разрешение данного противоречия является центральной проблемой настоящего исследования.

Российская «следственная» модель процесса включает полноценную досудебную стадию формирования письменных доказательств. Ее «предварительный» статус означает хронологический приоритет и неокончателность выводов, так как окончательную оценку дает только суд. Признавая важность этой стадии для установления обстоятельств дела и отсева необоснованных обвинений, необходимо отметить ее главный недостаток –

ориентацию на бумажный документооборот. Это создает ключевое препятствие для внедрения электронных доказательств. Вместо использования современных цифровых форматов следователь обязан все фиксировать в бумажных протоколах, а не в современных цифровых форматах.

Причина такой практики – устоявшееся в процессуальной доктрине представление о протоколе как о безальтернативном основном доказательстве. Другие способы фиксации играют лишь вспомогательную роль. В результате возникает парадокс: следователь должен переписывать в протокол информацию, которая уже существует в доступном электронном виде (к примеру, создавать текстовую расшифровку видео).

Правоприменители трактуют УПК РФ как жёсткую инструкцию, не подлежащую расширительному толкованию, что препятствует адаптации к цифровым реалиям. В рамках текущей парадигмы любая информация может приобрести статус доказательства лишь будучи оформленной в письменном виде и подведённой под один из установленных законом источников.

Разрешение этого противоречия через категорию «иные документы» (ч. 2 ст. 84 УПК РФ) недостаточно. Несмотря на то что в неё могут входить аудио- и видеозаписи, эти документы по своей природе создаются вне рамок уголовного процесса. Однако большинство доказательств генерируется внутри процесса самим следователем и по действующим правилам фиксируется на бумаге – протоколы, даже электронные, подлежат обязательной распечатке.

Частичное признание электронных носителей в УПК РФ в 2012 году (ст. 81, 81.1, 164.1) не привело к системным изменениям. Закон по-прежнему обязывает следователя составлять бумажный протокол изъятия и прилагать к нему физический носитель (например, диск), сохраняя ручной, затратный и неэффективный режим работы. Эта архаичная процедура вступает в радикальное противоречие с реалиями цифровой эпохи, где автоматически формируются огромные массивы юридически значимых данных. Для их эффективного сбора и анализа требуются автоматизированные решения, невозможные без

законодательного закрепления понятия «электронное доказательство». Отсутствие такого понятия консервирует устаревшие методы, заставляя правоохранительные органы переводить цифровую информацию в бумажную форму. Данное противоречие будет только усугубляться из-за экспоненциального роста объемов данных при ограниченности человеческих ресурсов.

Отдельно следует отметить Федеральный Закон № 149-ФЗ «Об информации...», где законодатель уже опубликовал множество понятий, но не ввел определение "электронная информация" в правовое поле. Основываясь на изучении научных исследований и позиций IT-специалистов, мы вновь приходим к выводу, что электронную цифровую информацию можно рассматривать как специфическую последовательную запись, созданную на основе специального искусственного языка [5].

Несмотря на то, что в 2018 году в УПК РФ была введена статья 164.1, регулирующая обращение с электронными носителями информации в процессе расследования, она не определяет правовой статус непосредственно цифровой информации в качестве доказательства [6].

Присоединяясь к позиции В.В. Горбатова, мы считаем, что отсутствие четкого правового регулирования порождает потенциальные процессуальные коллизии относительно допустимости электронных доказательств в перспективе развития следственной практики [7].

В доктрине распространена позиция о признании электронных доказательств производными вещественными, поскольку их информация извлекается из устройств процессуальным путём. Ряд авторов также оспаривает саму необходимость выделения таких доказательств в отдельную категорию [8].

Представляется целесообразным, чтобы законодательное определение цифрового доказательства носило технологически нейтральный характер и охватывало не только существующие, но и будущие способы хранения и обработки данных, хотя на практике законодатель часто избегает подобных решений.

Так, в 2016 году законодатель дополнил ст. 6 Федерального закона №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» новым мероприятием – получением компьютерной информации [9]. На практике данное дополнение столкнулось с проблемой узкого толкования термина. Его буквальное понимание сводится исключительно к изъятию данных с персональных компьютеров, что не соответствует реалиям, где необходимая информация может храниться на множестве других устройств: смартфонах, гаджетах, USB-накопителях и иных цифровых носителях.

В целях устранения правовой неопределенности предлагается внести изменения в статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, включив в нее пункт 63.1 следующего содержания: "Цифровые доказательства" - это информация, имеющая значение для установления обстоятельств преступления, которая хранится на электронных носителях, в памяти устройства или в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Предлагаемая дефиниция, на наш взгляд, характеризуется тремя ключевыми признаками:

1. Информационное содержание: Наличие сведений, подходящих к предмету доказывания в соответствии со ст. 73 и 74 УПК РФ.
2. Фиксированная форма: Обязательное закрепление информации на конкретном носителе или в определенном хранилище.
3. Технологическая нейтральность: В качестве носителя могут выступать как физические устройства (диски, flash-накопители), так и сетевые ресурсы, причем перечень возможных хранилищ остается открытым для будущего технологического развития.

Таким образом, исследование позволяет прийти к двум ключевым выводам.

Первый вывод констатирует наличие значительного законодательного пробела: УПК РФ не оперирует понятием «цифровые доказательства», что оставляет их правовой режим нерегулируемым.

Второй вывод, вытекающий из специфики работы с цифровой информацией в процессе доказывания, заключается в поддержке научной позиции о необходимости признать данные доказательства в отдельную категорию и юридически зафиксировать их дефиницию в нормативных актах.

Ввиду разнообразия методов сбережения и передачи цифровых данных, уместно предложить расширенную трактовку цифровых доказательств. Её суть заключается в том, что это информация о событиях, способная храниться на разнообразных платформах, включая онлайн-сети. Это обеспечит гибкость и долговременную актуальность термина.

Библиографический список

1. Головки, Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. – 2019. - № 1. – С. 15-25. (На рус. яз.). <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10002>.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. № 149-ФЗ (2006). Собрание законодательства Российской Федерации, 31 (часть 1), статья 3448.
3. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс: учебное пособие. - Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016.
4. Пастухов П. С. Цифровая идентификация личности. В кн.: Т. П. Подшивалов, Е. В. Титова, Е. А. Громова (ред.), Правовое регулирование цифровой среды - Москва: Проспект, 2022.
5. Маслов А.В. Электронная информация, как доказательство по уголовным делам / А.В. Маслов, К.А. Соскова // Центральный научный вестник. — 2017. — Т. 2. — № 11. — С. 57-59.
6. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [от 27.12.2018 № 533-ФЗ]. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.06.2023).

7. Горбатов В.В. Допустимость доказательств, полученных с использованием электронных цифровых средств /В.В. Горбатов // Молодой ученый. — 2022. — № 38 (433). — С. 99-103.8.
8. Баранов А.М. Электронные доказательства: иллюзия уголовного процесса XXI в / А.М. Баранов // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 64-69.
9. Российская Федерация. Законы. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон: [от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022)]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/

Оригинальность 76%